

DOI: 10.31857/S032103910008034-0

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА

В. Г. Ананьев¹, М. Д. Бухарин²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

¹E-mail: v.ananьев@spbu.ru ²E-mail: michabucha@gmail.com

Публикация вводит в научный оборот прежде неизвестный источник — машинописную стенограмму доклада академика И.А. Орбели, директора Государственного Эрмитажа (1934–1951), прочитанного в 1934 г. и посвященного теории и практике музейного дела в деятельности академика С.Ф. Ольденбурга. Публикуемый текст позволяет лучше понять взаимосвязи академической науки и музейного дела в России первой трети XX в., а также осветить личный вклад С.Ф. Ольденбурга в дело сохранения историко-культурного наследия мировых цивилизаций.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, история археологии, история искусствознания, буддийская археология, музееведение, И.А. Орбели, С.Ф. Ольденбург, Государственный Эрмитаж

THEORY AND PRACTICE OF MUSEUM WORK IN S.F. OLDENBURG'S ACTIVITIES

Vitaliy G. Ananiev¹, Mikhail D. Bukharin²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹E-mail: v.ananiev@spbu.ru ²E-mail: michabucha@gmail.com

Данные об авторах. Виталий Геннадьевич Ананьев — доктор культурологии, старший преподаватель Института философии СПбГУ; Михаил Дмитриевич Бухарин — доктор исторических наук, академик РАН, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

This publication introduces a previously unknown source for the history of scholarship — a record of the paper by I.A. Orbeli, director of The State Hermitage Museum (1934–1951), devoted to the theoretical and practical museum work of S.F. Oldenburg. The paper was delivered in 1934. The published text allows better understanding of interrelations of the academic research and museum work in Russia of the first third of the twentieth century, personal contribution of S.F. Oldenburg to the preservation of historical and cultural heritage of the world's civilizations.

Keywords: historical and cultural heritage, history of archaeology, history of arts, Buddhist archaeology, museology, I.A. Orbeli, S.F. Oldenburg, The State Hermitage Museum

Многообразная научная и научно-организационная деятельность академика С.Ф. Ольденбурга включала целый ряд направлений гуманитарного знания, так или иначе связанных с востоковедением. Особое место занимали в ней история искусства, прежде всего буддийского, а также теория и практика музейного дела.

Работы по музееведению, истории конкретных музейных собраний редко появляются на страницах «Вестника древней истории»¹. Как правило, публикации такого рода прослеживают историю той или иной коллекции или анализируют музейные предметы с позиции так называемых профильных дисциплин (эпиграфики, сфрагистики, археологии и т.д.). Между тем музеология сфокусирована на целом комплексе вопросов, связанных, в частности, с основными принципами и теоретическими основаниями работы по сохранению культурного и научного наследия. Хотя предметы музейных собраний и являются существенной составляющей источниковой базы исторической науки, важным аспектом их критического анализа, зачастую выпадающим из поля зрения профессиональных историков, оказывается и собственно музейная судьба предметов — то, как и по каким причинам они попали в то или иное музейное собрание, как были объединены там с другими предметами, составив определенную коллекцию, как это повлияло на их семантику и дальнейшие интерпретации². Ответы на эти вопросы требуют понимания специфики музейных механизмов в их исторической обусловленности, т.е. анализа музеологии и ее связи с общекультурным контекстом как одного из факторов, влиявших на формирование парадигм академической науки.

На материале античной Греции, например, С. Маршан, обратившись к фигуре А. Фуртвенглера, убедительно показала, как именно рост музейных коллекций по античной археологии во второй половине XIX в. способствовал трансформации антикварного знания в научно-археологическое³. Представляется, что обращение к музееведческому наследию С.Ф. Ольденбурга, как и других видных отечественных ученых, деятельность которых была связана с музейным миром, может быть целесообразно не только в контексте уточнения их биографии и разработки истории самих музеев, но и для лучшего понимания механизмов конструирования научных парадигм, составлявших концептуальные рамки развития отечественной науки. Важным этот вопрос кажется еще и в связи с опасными современными тенденциями в сфере управления культурой, сводящими специфику музейной работы к одному

¹ Например, о зарождении египетской музеологии: Dewachter 1992, 139–144.

² Dolák 2018, 7–17.

³ Marchand 2007, 248–285.

лишь сохранению и популяризации. И С.Ф. Ольденбург, и И.А. Орбели, доклад которого публикуется ниже, всегда подчеркивали значимость музеев как центров выработки научного знания. Той же точки зрения придерживается и М.Б. Пиотровский⁴, юбилею которого посвящен данный выпуск «Вестника древней истории». В этом отношении выбор именно такой темы для статьи в юбилейном выпуске кажется совсем не случайным.

С.Ф. Ольденбург практически всю свою жизнь был связан с музеями — центрами хранения и экспонирования культурного наследия, с одной стороны, и центрами ведения научной работы, с другой⁵. Главным научным центром российских исследований по истории Востока — основной области научных интересов Ольденбурга — был Азиатский музей, которым ученый руководил с 1916 г. (после К.Г. Залемана) вплоть до своей кончины в 1934 г. (уже в статусе директора Института востоковедения АН СССР⁶). Значительная часть находок, которые были собраны двумя Туркестанскими экспедициями Ольденбурга (1909—1910 и 1914—1915 гг.), была передана в музейные собрания, в том числе в Государственный Эрмитаж.

Основная работа С.Ф. Ольденбурга — «Описание пещер Чан-фо-дун близ Дунь-хуана», составленная по итогам работы II Русской Туркестанской экспедиции (далее — РТЭ) 1914—1915 гг., — раскрывает генезис буддийской живописи в Центральной Азии на протяжении нескольких эпох. В ней описано 449 пещер — уникальных памятников буддийского изобразительного искусства. Эта работа пока не опубликована, однако активное участие Ольденбурга в организации⁷ и проведении археологических работ на целом ряде памятников в Восточном Туркестане⁸ и в Дунь-хуане позволяют уже сейчас в полной мере охарактеризовать понимание им задач искусствоведа-практика⁹, стремившегося не только (а может быть, и не столько) к анализу, сколько к сохранению памятников мирового исторического и художественного наследия, именно эта обеспокоенность сохранением культурного наследия в его вещественном воплощении во многом вызвала обращение ученого к разработке вопросов, связанных с теми институтами, которые в начале XX в. и рассматривались в качестве основных центров его сохранения, т.е. с музеями.

⁴ Piotrovsky 2017, 135—140.

⁵ См. Oldenburg 1923, 13—17; Stanyukovich 1986, 84—90; Ananiev 2014, 167—186.

⁶ Об этом аспекте деятельности Ольденбурга см. Ророва 2016, 259—285.

⁷ Достаточно упомянуть Монгольско-Туркестанскую экспедицию Д.А. Клеменца 1898 г. и работы М.М. Березовского в 1905—1907 гг.

⁸ Имеются в виду прежде всего работы I Русской Туркестанской экспедиции 1909—1910 гг. под руководством самого С.Ф. Ольденбурга, материалы которой теперь доступны во всей полноте (Bukharin 2018). Кроме того, Ольденбург принимал активное участие в организации Первой Прусской императорской туркестанской экспедиции под руководством А. Грюнведела и в улаживании недоразумений, постоянно возникавших между российскими (прежде всего, М.М. Березовский) и немецкими исследователями (А. Грюнведель и А. фон Ле Кок).

⁹ В первой четверти XX в. практически каждый археолог был в определенной степени искусствоведам, а искусствовед — археологом. Данные дисциплины в период активной научной деятельности Ольденбурга только становились самостоятельными, независимыми друг от друга в программах высшего образования. Баланс между археологией и историей искусства в университетских курсах был достигнут в 1920-е годы; об этом см. Ananiev, Bukharin 2018.

Вопросы сохранности памятника привлекли внимание Ольденбурга не случайно. Работам в Дунь-хуане предшествовало несколько экспедиций российских археологов, в том числе разведочная экспедиция самого Ольденбурга 1909–1910 гг., обозначаемая как I Русская Туркестанская экспедиция. В Санкт-Петербург I РТЭ главным образом вывезла лишь то, что нуждалось в спасении и реставрации, — найденные на полу пещер фрагменты рукописей, обломки фресок и статуй; остальное расчищалось, затем фиксировалось и, по возможности, консервировалось *in situ*. По итогам работ было собрано и доставлено свыше 30 ящиков коллекций (фресок, деревянных и бронзовых статуэток, других предметов искусства), почти сотня фрагментов рукописей, главным образом найденных при раскопках, свыше 1 500 фотографий монастырей, пещер, храмов и пр.¹⁰

Коллекции I РТЭ, доставленные в Россию, были невелики, особенно в сравнении с объемом находок, вывезенных из Восточного Туркестана немецкими коллегами. С.Ф. Ольденбург был верен принципу «не трогать на месте памятников, если им не угрожает непосредственное разрушение»¹¹. Значительную опасность для памятников Ольденбург усматривал не только в действии времени и поисках местных жителей, сбывавших древности, но и в неквалифицированной, варварской работе своих коллег по другим экспедициям. Так, в отчете «Туркестанская экспедиция 1909–1910 г.» Ольденбург указывает:

Много копано немецкими экспедициями, но с основною целью добыть предметы и, прежде всего, рукописи. Мы могли только заняться контрольным исследованием некоторых зданий... причем пришлось убедиться, что рисунки зданий, которые замечали собою планы, неизбежно должны были послужить источником ошибок. Копание без определенной системы, за которым следовало такое же копание со стороны туземцев в поисках за вещами, дало печальные результаты по отношению к возможности восстановить план города. Это теперь задача спешная, и кроме произведенного разрушения каждый год разрушают, свозя землю на поля¹².

Примечательны и следующие его высказывания из дневника I РТЭ: «Пилили пещеру с медальонами — от них жалкие оборвыши. Немецкие варвары — нехорошо, что Грюнведель рисовал и писал в пещерах»; «нашли разные вещи в мусорных кучах перед пещерами. И здесь варварская пилка»¹³. Показательны также свидетельства источников, пока еще не введенных в научный оборот. Особенный интерес в этом отношении вызывает письмо С.Ф. Ольденбурга одному из ведущих российских востоковедов В.В. Бартольд, с которым Ольденбург связывали более 30 лет дружбы и тесного сотрудничества. Письмо было написано непосредственно на месте проведения археологических исследований в Туюк-мазаре 13 ноября 1909 г.: «Копали Лекок и Бартус варварски, и на их душах много бесповоротно испорченного драгоценного материала; фрески ими тоже спиливались часто не тщательно»¹⁴.

Как известно, значительная часть материалов, собранных I и II РТЭ, отложилась в Государственном Эрмитаже. Первоначально материалы

¹⁰ Подробнее см. Bukharin, Popova, Tunkina 2018, 9–39.

¹¹ Shcherbatskoy 1935, 27.

¹² Bukharin 2018, I, 68.

¹³ Oldenburg 2018, 549, 551.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 7–7 об.

экспедиции были переданы в Музей антропологии и этнографии Академии наук (Кунсткамеру), где они прошли первичную обработку. В 1923 г. Государственный Эрмитаж обратился в Академию наук с просьбой о передаче на хранение этих материалов. Академия наук ответила положительно и постановила для решения этого вопроса избрать комиссию в составе С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского, С.М. Дудина и одного представителя Музея антропологии и этнографии¹⁵. По итогам работы комиссии археологические находки I РТЭ в 1931–1932 гг. и были переданы в Эрмитаж, где часть их была помещена на экспозицию в 1935 г.¹⁶ Это произошло, когда директором Эрмитажа был Иосиф Абгарович Орбели, принимавший непосредственное участие в формировании восточно-туркестанского фонда музея.

И.А. Орбели и С.Ф. Ольденбурга связывали многолетние профессиональные контакты как в структурах Академии наук, так и в Эрмитаже. Публикуемый ниже текст выступления — одно из свидетельств этих контактов. Его музееведческая составляющая нуждается в дополнительной контекстуализации.

История музейного дела и музейной мысли долгое время рассматривалась в отечественной историографии как маргинальное и сугубо специальное направление исследований, никак не связанное с «большой историей». Эта точка зрения не принимала в расчет, что музей является частью общей системы культуры определенного общества и следует общему направлению развития культуры и общественных отношений того или иного периода. Ошибочность рассмотрения музееведения как второстепенной самостоятельной дисциплины была убедительно доказана еще в 1970-е годы в трудах таких видных историков культуры и науки, как, например, А.М. Разгон или Т.В. Станюкович, дальнейшее развитие этого направления, однако, оказалось в отечественной историографии весьма скромным¹⁷. Связь «большой науки» с музейным миром особенно сильной была в 1920-х годах, когда многие представители «старой» академической и университетской науки именно в музеях, а также краеведческой деятельности нашли применение своим трудам¹⁸.

Как подчеркивалось выше, С.Ф. Ольденбург был связан с музейным делом еще с дореволюционного периода: он работал с коллекцией Генерального консула России в Кашгаре Н.Ф. Петровского, размещенной в Эрмитаже, на что требовалось получить специальное разрешение¹⁹, принимал активное участие в работе Музея антропологии и этнографии Академии наук (описывал предметы, пополнял фонд новыми предметами, печатался в сборниках музея)²⁰, превратившегося в годы руководства музеем академиком В.В. Радловым в крупнейший отечественный центр этнографической науки²¹, участвовал в создании Этнографического отдела Русского музея императора Александра III²². Систематическим участником музейного строительства ученый стал, однако, уже после 1917 г., когда и музейный сектор охватила общая тенденция, связанная со

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1—1925. Д. 247. Л. 110.

¹⁶ Bukharin, Popova, Tunkina 2018, 26.

¹⁷ См., например, Razgon 1973; Stanyukovich 1978.

¹⁸ См. Shmidt 1990, 11—27.

¹⁹ Piotrovskiy 2016, 253—254.

²⁰ Stanyukovich 1986, 84—86.

²¹ Reshetov 1995, 75—85.

²² Tur'inskaya 2008, 173.

строительством «новой культуры»²³. Ольденбург принимает тогда участие в разработке структуры новых органов руководства музейной деятельностью, выступает в печати по музейным вопросам, участвует в музейных конференциях, перед лицом приближающихся музейных распродаж всеми силами пытается противостоять угрозе утраты культурного наследия²⁴. Он является главой Центрального бюро краеведения, призванного координировать музейно-краеведческую деятельность на местах²⁵, входит в советы как старых (Эрмитаж)²⁶, так и новых (петроградский Музей революции, Музей восточных культур)²⁷ музеев, консультирует провинциальные музеи²⁸.

Организационное соединение музейного и исследовательского начала в области востоковедения, которым пришлось заниматься С.Ф. Ольденбургу в последние годы его жизни, протекало непросто. Институт востоковедения АН СССР, последнее место работы академика Ольденбурга, был сформирован на базе Азиатского музея, Института буддийской культуры и Тюркологического кабинета. Определенно, сам Ольденбург возражал против такого подхода. Так, в 1929 г. он писал В.В. Бартольду: «Очень огорчили вести Ваши о Кабинетах арабском²⁹ и иранском³⁰. Напишу Ферсману³¹ и буду упорно настаивать. Какое глубокое непонимание того, что Азиатский музей должен быть библиотекой, а Кабинеты совершенно другое!»³² Несмотря на исключительные трудности в организации работ ИВ АН СССР³³, Ольденбург не отступил от своих принципов и стремился до последнего дня отстоять традиции классического российского востоковедения в крайне неблагоприятных условиях.

Как свидетельствуют архивные документы, роль Ольденбурга в развитии музейного дела была значительно шире, чем явствует из имеющихся публикаций, и этот аспект истории российской (советской) культуры еще ждет своего исследователя. Так, на конференции, приуроченной к 150-летию С.Ф. Ольденбурга, этот сюжет был освещен только в выступлении М.Б. Пиотровского,

²³ См. подробнее: Ananiev 2014.

²⁴ Kaganovich 2006, 160–165; Formozov 2006, 284, 285, 288. См. также Serapina 2002.

²⁵ См. СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 102; Sobolev 2002, 105–134.

²⁶ См. Piotrovsky 2001, 2009 (по указателю).

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 97. Л. 108–109, 120 и др.

²⁸ См., например, письмо из Вятского краеведческого музея с просьбой расшифровать надписи на бронзовой статуэтке: СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 97. Л. 119.

²⁹ Известные проекты по созданию центров арабских исследований относятся к концу 1920-х годов: в 1928 г. И.Ю. Крачковский организовал Арабский семинарий, а 17 февраля 1929 г. ему были представлены проекты учреждения Кабинета арабской филологии и кружка арабистов имени В.Р. Розена (Kuznetsova, Kulagina 1970, 62).

³⁰ Иранский кабинет — научное учреждение при Отделении исторических и филологических наук РАН, проект открытия которого рассматривался в начале 1920-х годов. Предполагалось также открыть синологический кабинет, чему возражал, в частности, В.М. Алексеев (Kuznetsova, Kulagina 1970, 54, 61). Арабский и иранский кабинеты стали структурными единицами Института востоковедения АН СССР, созданного в 1930 г.

³¹ Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945) — геохимик, академик РАН (1919), директор Минералогического музея РАН (1917), вице-президент РАН (1927–1929).

³² СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 178. Л. 23 об.

³³ См. Vasil'kov 1999, 156–157.

представившем позицию Ольденбурга по вопросу распродаж коллекций Эрмитажа³⁴.

Ниже публикуется стенограмма доклада И.А. Орбели «Академик С.Ф. Ольденбург — участник в музейном строительстве», прочитанного на заседании общего собрания АН СССР памяти Ольденбурга 25 апреля 1934 г. Текст этого доклада до сих пор не введен в научный оборот. Он развивает положения доклада «С.Ф. Ольденбург как искусствовед», прочитанного 1 февраля 1933 г. на юбилейном заседании, посвященном 50-летию научной деятельности Ольденбурга. В нем Орбели отмечал: «Всякий, кто входил в соприкосновение с Сергеем Федоровичем, знает, как много он дает как руководитель, как учитель много отдельно брошенных указаний, иногда целый ряд консультаций, которые могут быть приравнены к курсу лекций. Это особенно чувствуется всеми нами, музейными работниками, которым много труднее было бы работать, если бы мы не имели возможности всегда прибегать к консультациям Сергея Федоровича даже тогда, когда вопросы возникают далеко не востоковедные»³⁵. Через год Орбели получил возможность значительно развить положения, высказанные в 1933 г.

Текст выступления публикуется в современной орфографии и пунктуации, сокращения раскрыты.

И.А. ОРБЕЛИ
АКАДЕМИК ОЛЬДЕНБУРГ —
УЧАСТНИК В МУЗЕЙНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

*Стенографический отчет общего собрания Академии наук, посвященного
памяти академика С.Ф. Ольденбурга от 25 апреля 1934 года.*

Председатель — Академик Волгин

В течение всех лет, истекших после Октябрьской революции, Сергей Федорович всегда играл такую видную роль во всех вопросах, касающихся музейного строительства, что было бы чересчур большой смелостью взяться за характеристику его в этом направлении. Дать характеристику Сергея Федоровича как музейного работника, выполнявшего не только научную работу, но и колоссальную просветительную работу, было бы очень трудно, потому что не было такой стороны музейной работы, в которой Сергей Федорович не был бы активным участником.

Не было такого съезда, на котором Сергей Федорович не выступал бы в качестве активного работника, всегда напоминавшего об очередных работах, всегда предупреждавшего от излишних увлечений. Когда 16 лет тому назад приходилось применяться впервые к различным типам музейных работников, первым признаком, по которому приходилось определять пригодность или непригодность, надежность или ненадежность данного работника, основным признаком являлось отношение к тем задачам музеев, которые игнорировались в царской России и которые выступают на первый план в наши дни — это просветительная деятельность музеев³⁶. Тот экзамен,

³⁴ Piotrovsky 2016, 253–258.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 46.

³⁶ Это утверждение является широко распространенным и всячески поддерживавшимся властями в советское время стереотипом, лишь отчасти отвечающим действительному положению дел. Как показывают новейшие исследования, именно в конце XIX — начале XX в. начинают формироваться традиции отечественного «экскурсионизма», как тогда называли практику и методику экскурсионного дела,

через который, желая или не желая, проходили все лица, соприкасавшиеся с музеями, Сергей Федорович выдержал блестяще, потому что задолго до октября он был склонен рассматривать музеи в первую очередь как учреждения просветительного характера, призванные выполнять большую общественную работу, а не хранить в своих стенах накопленные сокровища³⁷.

Мы знаем, каким исключительным даром популяризатора обладал Сергей Федорович. Нетрудно популяризировать, если вы стремитесь сохранить в нетронутом виде основные подлинные научные выражения, если не боитесь вульгаризации. Умея популяризировать деятельность величайшего научного учреждения даже для детей, он был свободен от всяких тенденций. Он умел объяснять маленьким детям, среди которых проводил много часов, — среди детей с красными галстучками и даже среди детей, которые еще их не получили³⁸. Им он объяснял самые сложные проблемы, но еще лучше он объяснял взрослым те проблемы, с которыми они были мало знакомы. Он обладал этим даром в максимальной степени, но сущностью указаний, которые он давал своим более молодым товарищам, являлось положение: в основе проведения работы должна лежать подлинная исследовательская работа, а выводы из своей работы, популяризация тем, разработанных самим популяризатором.

В этом смысле Сергей Федорович борется на музейном фронте, что было чрезвычайно трудно. Еще 14 лет тому назад была тенденция при излишне поспешной организации музеев отделить просветительную работу от другой музейной работы. С этим приходилось многим бороться. Эта борьба была трудна, потому что в значительной мере кадры, которыми располагали музеи, не подходили для того, чтобы доверить им такую ответственную задачу, как введение в массы того, что можно извлечь из музеев, все выводы, которые можно сделать на основании памятников зримых, наиболее объективных и прочных, запечатлевшихся в памяти.

Сергей Федорович работу музеев понял очень хорошо. Он не объединялся с теми, которые имели тенденцию, являясь наблюдателями создания новых учреждений, перелагать на них исследовательскую работу с тем, чтобы музеи ограничивались

закладываются основы научно-просветительной деятельности музеев, формируются предпосылки для развития музейной педагогики (см. Parkhomenko 1991; Shlyakhtina 2009 и др.). Хотя, безусловно, в качестве задачи государственной важности просветительская деятельность музеев выдвигается на первый план лишь в советский период, быстро начиная подменяться пропагандистской.

³⁷ Это утверждение также не полностью соответствует действительности. Безусловно, Ольденбург признавал, что «музеи — ученые учреждения, которые при правильной постановке имеют громадное научное и вместе с тем и широко-образовательное значение» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 1. Л. 24а). Однако при этом основное его внимание всегда привлекала именно научно-исследовательская деятельность музеев. Показательно, что именно этой теме посвящены были его выступления на музейных конференциях начала 1920-х годов — Конференции центральных музеев (1922 г.) и Петроградской областной музейной конференции (1923 г., см. СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 4. Д. 263. Л. 17; Oldenburg 1923). Ни в одной из его работ мы не найдем подробного разбора специфики просветительской работы музея или характерных для нее форм, в то время как научно-исследовательская работа характеризуется подробно и со знанием дела.

³⁸ Здесь нельзя не отметить письмо от Сомянского школьного музея Революции имени С.Л. Перовской, «п/о Черлак Омского округа Сибкрая» от 10 июня 1929 г. об избрании ученого почетным членом музея «им. Сони Перовской». Авторы письма просят «дорогого старого седого друга» не отказываться и прислать свою фотографию для музея, так как «отказ убьет энергию у нас, будьте отзывчивы, как Соня Перовская». Подпись звучит весьма серьезно: «Ваша смена. Заведующий музеем Крошаков Виктор. Секретарь Шантин Илья» (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 97. Л. 113—113 об.).

экспозиций, развешиванием экспонатов по стенам, по плану, неизвестному даже ведущим развеску в данном музее.

На днях я принимал участие в Москве в одном совещании, посвященном выработке музейного профиля, и было странно слышать речи, которые еще 15 лет назад вызывали резкие и справедливые возражения и нарекания. Пришлось слышать, что задачи экспозиции должны разрешать чисто исследовательские институты, а отнюдь не музеи, музеи должны только выполнять экспозицию³⁹.

С этой точкой зрения Сергей Федорович никогда согласиться не мог. Ставя во главу угла научную работу, он соответственно разрешал проблему пополнения, роста музеев. В этой области он всегда говорил об экспедициях⁴⁰. А как он выполнял сам экспедиции, как выполнял очень тяжелую работу, которая выпадает на долю тех, кто попадает в далекую страну, в очень сложную, физически неудобную обстановку, когда приходится сталкиваться, как говорил здесь академик Щербатской⁴¹, со скрыванием достижений предыдущих работников, со скрыванием достижений тех, кто прошел через данную территорию, со скрыванием даже материала из того района, куда намечается экспедиция. Тем не менее Сергей Федорович умел и дал блестящие образцы музейной работы.

Я согласен, что нельзя сегодняшнее Заседание посвящать панегирикам, но пусть не будет воспринято как панегирик, то, что вся экспедиционная работа Сергея Федоровича должна быть охарактеризована как работа вполне безупречная, несмотря на то что прошло после этой работы 25 лет. Вопрос не в том, что нашел человек в том или ином месте, вопрос не в том, что выломала фрески немецкая экспедиция или не выломала. Вопрос важен тем, как с оставшимся обошелся тот, кто их нашел⁴².

Мы прекрасно знаем, что остатки пещер Турфана и Кучара Сергей Федорович сумел обратить в то, что собранные им результаты все же в научном отношении занимают первое место в мире⁴³. Ибо единственный пункт на земном шаре, где можно полностью

³⁹ Показательно, что на постановление Наркомпроса РСФСР от июня 1930 г. о музейном деле новое, уже советское, руководство Центрального бюро краеведения и редакция его официального печатного органа «Советское краеведение» отреагировали предложением создать при всех областных и краевых бюро краеведения специальные «институты краеведения», которые бы сосредоточили в себе всю исследовательскую работу, оставив музеям лишь работу демонстрационно-выставочную и политико-просветительную (см. Tur'inskaya 2001, 100–101). Очевидно, что это вело бы к прекращению эффективного функционирования музейного института.

⁴⁰ Ср.: «Никогда экспедиции не станут излишними, а теперь, при малочисленности и, в общем, слабости краеведческих организаций, экспедиции единственный надежный путь к систематическому, научному пополнению музеев» (Oldenburg 1923, 15).

⁴¹ Щербатской Федор Ипполитович (1866–1942) — индолог, буддолог, академик РАН (1918); после кончины Ольденбурга участвовал в подготовке к изданию «Описания пещер близ Дунь-хуана». Отсылка дана к прозвучавшей на том же заседании речи академика Щербатского «Академик С.Ф. Ольденбург как индианист» (*Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в 1934 году*. М.—Л., 1935. С. 21).

⁴² К этой теме Орбели обращался и раньше. На юбилейном заседании, посвященном 50-летию научной деятельности Ольденбурга, 1 февраля 1933 г. им был прочитан доклад «С.Ф. Ольденбург как искусствовед». В сборник опубликованных материалов этого заседания доклад Орбели не вошел (см. Академик С.Ф. Ольденбург. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Речи в заседании Академии наук 1 февраля 1933 г., посвященном чествованию акад. С.Ф. Ольденбурга. Библиография. Л., 1934), и его введение в научный оборот также представляется насущной задачей для историков науки.

⁴³ В докладе «С.Ф. Ольденбург как искусствовед» Орбели отмечал: «Только дважды им были совершены большие экспедиции. Тем, кто был знаком с Сергеем Федоровичем в те годы, кому приходилось видеть, как он готовится к экспедициям, те хорошо

проследить историю развития живописи Средней Азии, единственный пункт, где можно изучить все школы, которые развивались и существовали в течение трех с лишним веков на территории нынешнего Синьцзяна, единственный пункт — Ленинград. И этим мы обязаны Сергею Федоровичу. Не важно, вывезена оттуда полная стена или вывезены обломки. Вопрос — как взяты эти обломки, как эти мелкие обломки подобраны, и вопрос в системе. Он на месте с исключительной добросовестностью фиксировал и приурочивал к тому месту на стене, на котором не осталось ничего, кроме 2–3 мелких обломков. Никогда Сергей Федорович не стремился к той экспедиционной работе, которая строится на погоне за ценными находками, но он стремился к той экспедиционной работе, которая дает действительные результаты, которая дает возможность человеку, не побывавшему на месте нахождения памятника, ясно и отчетливо его представить⁴⁴.

Сергей Федорович умел правильно ставить научную работу и в такой области музейной работы, как хотя бы в постановке той же экспозиции, которая, к сожалению, теперь еще расценивается как техническая работа⁴⁵. Вместе с Николаем Яковлевичем

знают, как Сергей Федорович предусматривал все мелочи экспедиционной работы, все возможности во время поездки. В этом сказывается характер человека, самой природой предназначенного выполнять работу в экспедиции. Самым главным наставлением С.Ф. было указание, которое приходилось слышать и от его ближайших товарищей, двух крупнейших востоковедов, Н.Я. Марра и В.В. Бартольда, — это указание на то, что никакая экспедиция, никакие раскопки не могут предприниматься без большой предварительной подготовки, без детальнейшего изучения всех источников, связанных с предстоящими работами... Этой серьезной подготовкой, углубленной проработкой найденного уже участниками Германской экспедиции можно объяснить то, что Сергею Федоровичу в его работе удалось избежать тех промахов, которые были допущены предшествовавшими экспедициями, и дать образец экспедиционной работы» (СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 42).

⁴⁴ «Целый ряд пещер был разрушен не потому, что во время той или иной операции случайно погибли памятники — это еще было бы простительно, — но мы знаем, что часто стены пещер обламывались, чтобы вынуть очень эффективный, интересный кусок фрески... Самая знаменитая коллекция прославленных росписей из Китайского Туркестана находится в Берлине. Хотя здесь представлены богатейшие образцы стенной живописи Китайского Туркестана, изучить историю ее по этой богатейшей и наряднейшей коллекции невозможно. Изучить ее на месте больше нельзя. Изучать ее можно только в Ленинграде, потому что Сергею Федоровичу удалось из кучи мусора подобрать отдельные мелкие куски, которые не привлекли внимания музейных работников, собиравших для Берлинского музея, и получить полный подбор того, что необходимо, чтобы дать представление о развитии художественных течений Китайского Туркестана. Созданием этой коллекции наука обязана только одному Сергею Федоровичу. Ценность этой коллекции для всех, кому дороги интересы науки, повышается во много раз, если учесть то обстоятельство, что ни один кусок не был выломан насильственно, не был изъят со вредом для памятника» (СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 44).

⁴⁵ Выдающийся отечественный искусствовед и музейный деятель Л.А. Мацулевич вспоминал о таком отношении к делу построения музейной экспозиции (его поручения непрофессионалам) в своих лекциях по музееведению, читавшихся во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов на историческом факультете Ленинградского университета: «Одно время считалось, что работник музея не может оформлять выставку, что ее нужно оформлять художнику. Помню, в длинный зал, как коридор, пришла группа художников. Им начинают говорить. “Да нет, — говорят, — это не важно”... Не спрашивают даже, какая выставка. Мы говорим, что здесь не будет красочных картин, здесь будут материалы археологические. “Нет, мы очень опытные. Мы устраивали декорации улиц, это же совершенно то же самое, вот так перекинем...”» (СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 185. Л. 78–79). О лекциях Мацулевича см. Ananiev 2013.

Марром⁴⁶ Сергей Федорович бился за признание научной работы в отношении того, как строить музейную экспозицию. Мы знаем, что очень легко развесить картины, расставить скульптуру, если обладаешь художественным чутьем, если памятники определены. Но ведь задача заключается не в том только, чтобы в результате получилась выставка — приятная для глаза картина, а получилась связная картина, из которой Вы вправе прочитать одну—две страницы, но в которой Вы вправе прочитать и всю мысль. Экспозиция как исследование, выраженное в вещах, независимо от того материала, который привлечен, будь то материал письменный, будь то материал устный, который почерпнут из фольклора, или материалы, извлеченные из дневника, — такую книгу признавал и умел писать Сергей Федорович. Мы это знаем по указаниям, которые давались им за несколько дней до смерти для построения экспозиций Турфана. Стремясь видеть в музее школу, которая должна принести пользу и больше, и меньше подготовленным слушателям, он умел избежать всяких перегибов.

Многие из присутствующих наверно хорошо знают, как в стремлении использовать музеи как просветительные учреждения доходили до отрицательного восприятия музеев. Это резко расходится с указаниями, которые принадлежат покойному Владимиру Ильичу, указаниями на то, что трудящийся, проработав 8 часов, имеет право отдохнуть в музее, не проходя в эту минуту школьной работы. Это задача музеев, которая не может быть исключена из нашей работы, потому что, если мы ее исключим, мы должны будем выхолостить все, что делаем в музее, и дать в невоспринимаемом виде все то, что можно видеть и понять в музее. На эту сторону дела умел обращать внимание Сергей Федорович. И нужно сказать, что здесь Сергею Федоровичу помогало то свойство, которым он обладал в такой степени — это чувство меры и исключительно тонкое чутье, чутье, которое очень большое значение имеет тогда, когда вы должны зрителю, иногда не подготовленному к восприятию того, что ему предстоит видеть в музее, — вы должны показать ему памятники, осознать которые нелегко и лицу, долго работавшему в этой области.

Основным принципом, который всегда рекомендовал Сергей Федорович, это была полная свобода от прикрепления вещей к данному месту, участку стены. Будучи горячим сторонником комплексного метода экспозиции в полном и широком значении термина: комплексный метод экспозиции, он стремился к оживлению музеев дополнительными экспозициями, необходимыми для более легкого восприятия. При этом он восставал против нагромождения фотографий и текста, против недочетов, которыми страдало наше музейное строительство 8 лет.

До абсурда доведенное богатство экспозиции, в котором тонут подлинные памятники, которые призваны воздействовать на посетителей, затопление основной мысли бесконечным количеством деталей, примечаний, за которыми не видно мысли автора, а видна только эрудиция, — против этого восставал Сергей Федорович. Говоря о реконструкции обстановки, в которой памятники создавались, он всегда вел к тому, чтобы не реконструировать то, что в музейной обстановке реконструировать невозможно⁴⁷.

⁴⁶ Марр Николай Яковлевич (1864—1934) — археолог, литературовед-кавказовед, языковед, автор псевдонаучной «яфетической теории» и «нового учения о языке», академик ИАН (1912), председатель РАИМК (с 1926 г. — ГАИМК) в 1919—1934 гг.

⁴⁷ Ср. в докладе Орбели «С.Ф. Ольденбург как искусствовед»: «Трудно было бы назвать работника, ученого, связанного с музеем, который уже 20 лет тому назад выдвигал твердо, упорно, настойчиво вопрос о принципиальной невозможности устройства экспозиций с неподвижными памятниками. Вы знаете, к чему приводит устройство интересных характерных групп, воспроизводящих обстановку того места, откуда изъят памятник, если эта копия делается неподвижной. Основное требование, которое выдвигал Сергей Федорович и в прошлые годы и ныне, это — возможность постоянной перестройки музея в соответствии с требованиями жизни, — устройство такой выставки, чтобы каждый памятник пребывал в определенном сочетании с другими. Это требование комплексной

Помню предостережения, которые делались по поводу метода экспозиции турфанских фресок, искусственно построенных вещей, в обстановке, противоречащей той, в которой эти фрески были выломаны на месте. Такое восстановление пещеры возможно при наличии таких основ, которых ни в одном музее мира достигнуть нельзя. Всякое такое построение руками людей, которые не видели этого и не имеют того материала, скалы, породы, из которой высечена пещера, приводит к искажению представления о ней. Это представлялось Сергею Федоровичу неприемлемым, и в нарушении этого требования заключается основной недостаток музея в Берлине.

Вопросы реставрации, вопросы доделки памятников. Здесь, как вы знаете, в стремлении сохранить памятник, придать цельность иногда нарушается мера в такой степени, что приходится с трудом отыскивать подлинные черты памятника среди целого ряда нагромождений, приклеек, нашивок на подлинных обломках. От этого наука давно отказалась, этому насчитывается 2–3 десятка лет. Но все же остались приемы реконструкции, с применением которых приходится деятельно и энергично вести борьбу. И эту борьбу вел Сергей Федорович.

Примером может служить то, как проведены были раскопки Козлова⁴⁸ в Ноин-уле и как энергично боролся Ольденбург с той реставрацией, которая велась помимо желания самого Козлова. Мы знаем, что в интересах эффективности находок Козлова в Ноин-уле⁴⁹ вещи эти были выстираны и выутюжены по самому обычному способу, как стираются и гладятся платки, рубашки, и мы знаем, что при этом пострадали исключительной ценности образцы, пострадали в такой короткий период – 2 ночи, которые потребовались, чтобы была проведена эта реставрация. Но зато никогда не будет проведена такая реставрация, потому что Сергей Федорович сумел дать урок тем, кто реконструкцию проводил, и тем, кто высказывался за эту реконструкцию⁵⁰.

Сергей Федорович стремился, чтобы в музейной экспозиции оборудование занимало возможно меньше места, только то, что необходимо для укрепления. Мы знаем, как трудно подобрать оборудование так, чтобы, помогая укреплению, оно не мешало видеть⁵¹. И Сергей Федорович выступал против всех тех увлечений, которые на сегодняшний день уже сданы в архив, но 4 года тому назад господствовали. Многие помнят, вероятно, фанерный период истории музеев, когда казалось, что чем больше применяется затейливых кружков и уголков из фанеры, тем понятнее вещь

экспозиции, которое сейчас представляется элементарным, но которое 25 лет назад казалось совершенно неожиданным и во многих случаях неприемлемым, особенно характерно для Сергея Федоровича. Естественно, что при предъявлении такого требования к музейному делу, Сергей Федорович должен был испытывать много разочарований, когда он видел великолепные памятники индийской скульптуры в Лондонском музее, где они, правда, не прикреплены на железном стержне, но закреплены на десятки и сотни лет, на одном и том же месте» (СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 45).

⁴⁸ Козлов Петр Кузьмич (1863–1935) – исследователь Центральной Азии, руководитель Монголо-Сычуанской (1907–1909) и Монголо-Тибетской (1923–1926) экспедиций.

⁴⁹ Речь идет о Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова (1923–1926), исследовавшей в 1924 г. в горах Ноин-ула, севернее Улан-Батора, курганы-могильники хуннских шаньюев.

⁵⁰ Ольденбург выступал категорически против организации экспедиции Козлова: он полагал, что экспедиция плохо подготовлена в кадровом и методологическом отношении (см. подробнее Yusufova 2016, 451–452).

⁵¹ Еще в мае 1911 г. руководство Русского музея императора Александра III обратилось к Ольденбургу с просьбой взять на себя руководство комиссией по приемке заказанных у фирмы Кюншерф шкафов и витрин для создаваемого Этнографического отдела музея. В комиссию вошли такие видные ученые, как Н.М. Могиланский и А.А. Миллер (см. СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 97. Л. 62).

трудящимся. Тем, кто не связан с музеями, термин «фанерный период» не понятен. Тем же, кто видел эту экспозицию, хотя бы в Посудном отделе, — этот термин будет понятен.

Повторяю, во всем этом Сергею Федоровичу помогало его чувство меры и тот глаз, которым он обладал в высокой степени. Всем известно понятие абсолютный слух, но мало кому приходилось сталкиваться с выражением абсолютный глаз. Абсолютный глаз — умение вскрывать и фиксировать формы и сохранять для дальнейшего сопоставления даже на протяжении десятков лет. Этим свойством обладают очень немногие люди. Этим свойством обладал Сергей Федорович, и поэтому в целом ряде случаев, когда он далеко выходил за пределы своей специальности, ему помогал этот глаз.

В отношении музейной техники Сергей Федорович всегда оставался верен себе. Многие помнят, вероятно, как нервно относился он к пушинке на рукаве своего собеседника. Пушинка на рукаве собеседника привлекала его внимание, он всегда старался ее снять. Или опечатка в корректуре, которую Вы держали в руках, вовсе не для того, чтобы показать ее Сергею Федоровичу, привлекала обязательно его внимание. Волнение, с которым он пытался выполнить непосильную задачу — сдвинуть с места тяжелую вещь, потому что она стоит иногда не так, как надо, — напоминает то, как он снимал пушинку с рукава. Но это, в сущности говоря, то же требование, которое мы вправе предъявить к каждому музейному работнику. Иногда за такой мелочью, как криво поставленная вещь, скрывается целый ряд опасностей для вещи и ее правильного восприятия. Не говоря об освещении, тут играет роль целый ряд обстоятельств, учесть которые в нашей музейной работе очень трудно.

Конечно, все это мелочи, и не стоило бы об этом говорить, беря на себя смелость характеризовать роль Сергея Федоровича в музейном строительстве. Мне хотелось еще остановиться на одном, самом главном, что делалось посильно Сергеем Федоровичем — это на его участии в выработке нормальной музейной сети, в размежевании музейных задач. Все знают, как трудно разрешить эти задачи в условиях, когда судьи и решающие должны были бы выступать только в роли экспертов. Трудно убедить музейных работников, что та или иная вещь или целая коллекция должна быть изъята, потому что ей не место в данном музее, а место в другом, потому что вся проблема, которая должна быть отражена этой коллекцией, не входит в круг задач данного музея.

Разрешению нестерпимо трудной задачи размежевания музеев Наркомпрос посвятил 16 лет. Мы находимся на том же этапе, как 14 лет назад, но обсуждение этого вопроса имело место бесконечное число раз⁵². Во всех этих обсуждениях принимал участие Сергей Федорович, и как раз здесь, в самой сложной проблеме размежевания задач этнографических и историко-культурных вообще он сумел с самого начала четко и ясно изложить свою точку зрения, и приходится радоваться, что хоть через 12 лет

⁵² Уже вскоре после Октябрьской революции новые органы власти стали активно обсуждать планы реорганизации старых и создания на их базе новых, центральных музеев. Возникла идея образования Национального музейного фонда, сформулированная в так называемой Московской декларации, подготовленной для Первой всероссийской конференции по делам музеев, прошедшей в Петрограде в феврале 1919 г., московской коллегией Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. В ней утверждалось: «Все коллекции ныне существующих русских музеев должны быть рассматриваемы так же как составная часть Национального Музейного Фонда. Распределение коллекций Фонда должно происходить как в целях создания новых музеев, так и в целях пополнения уже существующих» (см. Sundieva 2007, 74–79). В 1920 г. при Академии наук была даже создана специальная Комиссия по организации центральных музеев (она же — Комиссия по объединению Русского музея с вновь учреждаемым музеем мирового искусства, Комиссия по объединению центральных музеев), в состав которой входил и С.Ф. Ольденбург; возглавлял комиссию С.А. Жебелёв (см. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 8).

эта точка зрения одолевает — правда, когда Сергея Федоровича уже нет. При этом он убеждал тем, что был свободен от местного патриотизма. Ему было безразлично, близок ли он к тому или иному учреждению, в составе которого хранится коллекция, которой здесь не место, было безразлично, что учреждение, которое он возглавляет, лишится ценных материалов, если они должны быть перенесены в обстановку, где они займут подобающее место.

Поэтому при этой свободе от местного патриотизма Сергей Федорович умел быть особенно убедительным. Характерной чертой Сергея Федоровича была одна мелочь, которую иногда ему ставили в упрек: он умел воспринимать большие культурные явления в целом, умел, в частности, рассматривать наш Эрмитаж, скажем, как цельный и большой участок нашего культурного наследия, он умел его воспринимать во всем целом и ограждать интересы этого культурного наследия от слишком ретивых и поспешных действий наследников⁵³. К счастью, в этом он был не одинок, и та поддержка, которую неизменно Сергей Федорович находил в руководящих органах, помогла охранить музейное строительство от больших ошибок. Те органы, с которыми Сергей Федорович вступал по этому поводу в связь, всегда шли ему навстречу.

Но ведь все это, хотя бы то же восприятие Эрмитажа в целом, вытекало из основного свойства, характерного для Сергея Федоровича как ученого. Ни в исследовательской работе, ни в своих интересах он не замыкался в круг востоковедения. Мы знаем очень хорошо, как пришлось бы характеризовать Сергея Федоровича, если говорить о нем как историке-литераторе. И лучшим напоминанием об этом были слова Николая Яковлевича Марра, сказанные в прошлом году по поводу выступления Сергея Федоровича на магистерском диспуте Н.Я. Марра 40 лет тому назад⁵⁴.

Сергей Федорович умел сочетать в себе интересы и понимание Востока с интересами и пониманием тех явлений истории культуры Запада, которые неотделимы от Востока, потому что развитие ее зависело не от территории и не только от той страны и народа, который развивал культуру. Это Сергей Федорович умел выразить и в своей музейной работе, и в этом смысле особенно характерно то, что, будучи лучшим другом молодого организма — Сектора Востока Эрмитажа⁵⁵, Сергей Федорович горячо,

⁵³ Здесь Орбели, определенно, имеет в виду деятельность Ольденбурга по защите фондов Эрмитажа от распродаж. Ольденбург и сам писал руководителям советского государства, и влиял на позицию коллег, в частности Орбели, который направил соответствующее письмо И.В. Сталину, вероятно, под влиянием Ольденбурга (см. Piotrovsky 2016).

⁵⁴ Темой магистерской диссертации Н.Я. Марра были «Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой литературы, исследование с переводами, подлинные тексты и описание рукописей». По словам Марра, Ольденбург обратился к нему с вопросом: «Почему изучаемая вами средневековая литература трактуется как восточная, когда она по многим устанавливаемым у вас данным и западная, не менее западная, чем восточная?» (См. Марр, Н.Я. С.Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия. *Академик С.Ф. Ольденбург...* С. 12–13). Об отношениях Ольденбурга и Марра см. Kaganovich 2016.

⁵⁵ См. Yuzbashyan 1986, 53–66. В октябре 1932 г. Орбели просил официального подтверждения согласия Ольденбурга занять «штатную должность профессора (т.е. действительного члена) по сектору Востока Государственного Эрмитажа» (см. СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 435. Л. 2). Вопрос, связанный с реорганизацией Эрмитажа «на научных основаниях», вызвал в музее большое волнение и негативное отношение руководителей ряда уже существующих отделов, не желавших допускать перераспределения фондов. Ольденбургу как члену совета Эрмитажа эта ситуация была хорошо известна. В его архивном фонде сохранилась записка Орбели о реорганизации Эрмитажа и отзывы на нее руководителей других отделов (1927 г.; см. СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 97. Л. 9–32, 44–53).

так горячо, как только редко он умел делать, выступил против проекта, который, казалось бы, должен всех нас привлечь, — против проекта создания Восточного музея, Восточного музея, в котором должны быть объединены и коллекции Эрмитажа и коллекции Музея восточных культур в Москве с тем, чтобы был создан единый Музей востока. И Сергей Федорович сумел блестяще доказать всю нелепость этой идеи, всю нелепость изъятия восточного материала из всего окружения, в котором он должен быть изъят из сопоставления с памятниками античного мира, с памятниками всех культур, которые не подходят под понятие Востока. И здесь Сергей Федорович остался верен себе, для него не было Востока и Запада, для него была история развития человечества, развивающаяся и наслаивающаяся независимо от политических границ и независимо от нахождения в той или иной стране, в том или ином меридиане.

СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Д. 330. Л. 63 об. — 76 об.⁵⁶

Литература / References

- Ananiev, V.G. 2013: [Museum studies in the teaching activity of L.A. Mazulevich: based on the materials of the scientist's fund]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary Historical Disciplines] 32, 498–508.
- Ананьев, В.Г. Музееведение в преподавательской деятельности Л.А. Мацулевича: по материалам фонда ученого. *Вспомогательные исторические дисциплины* 32, 498–508.
- Ananiev, V.G. 2014: [Museum studies in the works of academician S.F. Oldenburg in the 1920s]. In: A.N. Sakharov (ed.), *Istoriya i istoriki: istoriograficheskii vestnik 2011–2012* [History and Historians: Herald of Historiography 2011–2012], 167–186.
- Ананьев, В.Г. Музейное дело в трудах академика С.Ф. Ольденбурга 1920-х годов. В сб.: А.Н. Сахаров (ред.), *История и историки: историографический вестник 2011–2012*, 167–186.
- Ananiev, V.G., Bukharin, M.D. 2018: [Art history and archaeology in the educational space of revolutionary Russia: two unknown projects of 1917]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies] 3, 268–286.
- Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. История искусства и археология в образовательном пространстве революционной России: два неизвестных проекта 1917 г. *Вопросы образования* 3, 268–286.
- Bukharin, M.D. (ed.) 2018: *Vostochnyy Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v kontse XIX — pervoy treti XX vv.* Т. I. *Epistolyarnye dokumenty iz arkhivov Rossiyskoy akademii nauk i Turfanskogo sobraniya*. Т. II. *Geograficheskie, arkhologicheskie i istoricheskie issledovaniya* (Arkhivy Rossiyskoy akademii nauk i Natsional'noy akademii nauk Kyrgyzskoy respubliki). Т. III. *Pervaya Russkaya Turkestanskaya ekspeditsiya 1909–1910 gg. akademika S.F. Oldenburga. Fotoarkhiv iz sobraniya Instituta vostochnykh rukopisey Rossiyskoi akademii nauk* [Eastern Turkestan and Mongolia. History of Exploration at the End of the 19th — First Third of the 20th Century. Vol. I. Correspondence from the Archives of the Russian Academy of Sciences and Turfan Collection. Vol. II. Geographical, Archaeological and Historical Investigations (Archives of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic). Vol. III. First Russian Turkestan Expedition 1909–1910 of S.F. Oldenburg. Photoarchive from the Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. Moscow.
- Бухарин, М.Д. (отв. ред.), *Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX вв.* Т. I. *Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания*. Т. II. *Географические, археологические и исторические исследования* (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской республики). Т. III. *Первая Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 гг. академика С.Ф. Ольденбурга. Фотоархив из собрания Института восточных рукописей Российской академии наук*. М.
- Bukharin, M.D., Popova, I.F., Tunkina, I.V. 2018: [Russian Turkestan Expeditions of 1909–1910 and 1914–1915: Unpublished Scientific Heritage of S.F. Oldenburg]. In: M.D. Bukharin (ed.), *Vostochnyy Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v kontse XIX — pervoy treti XX vv.* Т. II. *Geograficheskie, arkhologicheskie i istoricheskie issledovaniya* (Arkhivy Rossiyskoy akademii nauk i Natsional'noy akademii nauk Kyrgyzskoy respubliki) [Eastern Turkestan and Mongolia. History of

⁵⁶ Машинопись с карандашной правкой.

- Exploration at the End of the 19th – First Third of the 20th Century*. Vol. II: *Geographical, Archaeological and Historical Investigations (Archives of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic)*. Moscow, 9–37.
- Бухарин, М.Д., Попова, И.Ф., Тункина, И.В. Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 и 1914–1915 гг.: неизданное научное наследие академика С.Ф. Ольденбурга. В кн.: М.Д. Бухарин (отв. ред.), *Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв.* Т. II. Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской республики). М., 9–37
- Dewachter M. 1992: [Champollion, his Russian friends and the beginnings of Egyptian museology]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 139–144.
- Деваштер М. Шампольон, его русские друзья и зарождение египетской музеологии. *ВДИ* 4, 139–144.
- Dolák, J. 2018: [Karl Popper and museology: between object and musealia]. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo [Museology and Cultural Heritage]* 6/2, 7–17.
- Formozov, A.A. 2006: [The problem of cultural monuments in the USSR and Russian archaeologists]. In: A.A. Formozov, *Russkie arkheologi v period totalitarizma [The Russian Archeologists in the Times of Totalitarianism]*. Moscow, 267–313.
- Формозов, А.А. Проблема памятников культуры в СССР и русские археологи. В кн.: А.А. Формозов, *Русские археологи в период тоталитаризма*. М., 267–313.
- Kaganovich, B.S. 2006: *Sergey Fedorovich Ol'denburg. Opyt biografii [Sergey Fedorovich Oldenburg. An Attempt at Biography]*. Saint Petersburg.
- Каганович, Б.С. *Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии*. СПб.
- Kaganovich, B.S. 2016: [Sergey Fedorovich Oldenburg and Nikolay Yakovlevich Marr]. In: I.F. Popova (ed.), *Sergey Fedorovich Ol'denburg – uchenyy i organizator nauki [Sergey Fedorovich Oldenburg – Scholar and Research Organizer]*. Moscow, 136–151.
- Каганович, Б.С. Сергей Федорович Ольденбург и Николай Яковлевич Марр. В сб.: И.Ф. Попова (ред.), *Сергей Федорович Ольденбург – ученый и организатор науки*. М., 136–151.
- Kuznetsova N.A., Kulagina L.M. 1970: *Iz istorii sovetskogo vostokovedeniya. 1917–1967 [From the History of Soviet Oriental Studies. 1917–1967]*. Moscow.
- Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М. *Из истории советского востоковедения. 1917–1967*. М.
- Marchand, S. 2007: From antiquarian to archaeologist? Adolf Furtwängler and the problem of “modern” classical archaeology. In: P.N. Miller (ed.), *Momigliano and Antiquarianism: Foundations of the Modern Cultural Sciences*. Toronto, 248–285.
- Oldenburg, S.F. 1923: [Academic research in museums]. *Muzej [The Museum]* 1, 13–17.
- Ольденбург, С.Ф. Научная работа музеев. *Музеи* 1, 13–17.
- Oldenburg, S.F. 2012: *Etyudy o lyudyakh nauki [The Sketches on the “People of Science”]*. Ed. by S.D. Serebryanyy, A.A. Vigasin]. Moscow.
- Ольденбург, С.Ф. *Этюды о людях науки*. Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., предисл., коммент. А.А. Вигасин. М.
- Oldenburg, S.F. 2018: [Diary of the Turkestan Expedition, equipped under the Highest Order by the Russian Committee on the Exploration of Middle and Eastern Asia]. In: M.D. Bukharin (ed.), *Vostochnyy Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v kontse XIX – pervoy trety XX vv.* Т. II. Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской республики). Moscow, 479–572.
- Ольденбург, С.Ф. Дневник Туркестанской экспедиции, снаряженной по Высочайшему повелению Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии. В кн.: М.Д. Бухарин (отв. ред.), *Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв.* Т. II. Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской республики). М., 479–572.
- Parkhomenko, T.A. 1991: [The museums of prerevolutionary Russia in out-of-school education (second part of 19th – beginning of 20th centuries)]. In: S.A. Kasparinskaya (ed.), *Muzej i vlast'.* Ch. 2. *Iz zhizni muzeev [Museum and Power. Pt. II. From Museums' Life]*. Moscow, 27–43.
- Пархоменко, Т.А. Музеи дореволюционной России во внешкольном образовании (вторая пол. XIX – нач. XX в.). В сб.: С.А. Каспаринская (ред.), *Музеи и власть*. Ч. 2. *Из жизни музеев*. М., 27–43.

- Piotrovsky, M.B. (ed.) 2001, 2009: *Zhurnaly zasedaniy Soveta Ermitazha*. Ch. I. 1917–1919 gody. Ch. II. 1920–1926 gody [Journals of the Hermitage Council's Meetings. Pt. I. 1917–1919; Pt. II. 1920–1926]. Saint Petersburg.
- Пиотровский, М.Б. (ред.). Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. I. 1917–1919 годы. Ч. II. 1920–1926 годы. СПб.
- Piotrovsky, M.B. 2016: [S.F. Oldenburg and the State Hermitage]. In: I.F. Popova (ed.), *Sergey Fedorovich Ol'denburg – uchenyy i organizator nauki* [Sergey Fedorovich Oldenburg – Scholar and Research Organizer]. Moscow, 253–258.
- Пиотровский, М.Б. С.Ф. Ольденбург и Государственный Эрмитаж. В сб.: И.Ф. Попова (ред.), *Сергей Федорович Ольденбург – ученый и организатор науки*. М., 253–258.
- Piotrovsky, M.B. 2017: Contemporary art and classical museum: conflict or symbiosis? *Muzeológia a kultúrne dedičstvo* [Museology and Cultural Heritage] 5/2, 135–140.
- Popova, I.F. 2016: [S.F. Oldenburg in Asian Museum – Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences]. In: I.F. Popova (ed.), *Sergey Fedorovich Ol'denburg – uchenyy i organizator nauki* [Sergey Fedorovich Oldenburg – Scholar and Research Organizer]. Moscow, 259–285.
- Попова, И.Ф. С.Ф. Ольденбург в Азиатском музее – Институте востоковедения АН. В сб.: И.Ф. Попова (ред.), *Сергей Федорович Ольденбург – ученый и организатор науки*. М., 259–285.
- Razgon, A.M. 1973: *Istoricheskie muzei v Rossii 1861–1917*. Avtoref. diss. dokt. ist. n. [The Historical Museums in Russia in 1861–1917. Abstract of Doctoral thesis]. Saratov.
- Разгон, А.М. *Исторические музеи в России 1861–1917*. Автореф. дисс. докт. ист. н. Саратов.
- Reshetov, A.M. 1995: [Vasily Vasilievich Radlov]. *Kur'er Petrovskoy Kunstkamery* [The Courier of Peter the Great Kunstkamera] 1, 75–85.
- Решетов, А.М. Василий Васильевич Радлов. *Курьер Петровской Кунсткамеры* 1, 75–85.
- Serapina, N.M. (ed.) 2002: *Ermitazh, kotoryu my poteryali. Dokumenty 1920–1930 godov* [The Hermitage We Lost. The Documents of 1920–1930]. Saint Petersburg.
- Серапина, Н.М. (сост.). *Эрмитаж, который мы потеряли. Документы 1920–1930 годов*. СПб.
- Shcherbatskoy, F.I. 1935: [Academician S.F. Oldenburg as an expert in Indian studies]. *Zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR* [The Notes of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of USSR] 4, 23–30.
- Щербатской, Ф.И. Академик С.Ф. Ольденбург как индианист. *Записки Института востоковедения АН СССР* 4, 23–30.
- Shlyakhtina, L.M. 2009: [The genesis of the museum pedagogy's conception (the second half of XIXth – the beginning of XXth centuries)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [The News of Altai State University] 4/3, 275–280.
- Шляхтина, Л.М. Генезис музейно-педагогической мысли (вторая половина XIX – начало XX в.). *Известия Алтайского государственного университета* 4/3, 275–280.
- Shmidt, S.O. 1990: [«The golden ten years» of Soviet local lore studies]. *Otechestvo. Kraevedcheskiy al'manakh* [Homeland. Almanac of Local Lore Studies] 1, 11–27.
- Шмидт, С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения. *Отечество. Краеведческий альманах* 1, 11–27.
- Sobolev, V.S. 2002: *Dlya budushchego Rossii. Deyatel'nost' Akademii nauk po sokhraneniyu natsional'nogo kul'turnogo i nauchnogo naslediya. 1890–1930 gg.* [For the Future of Russia. The Work of Academy of Sciences in Preservation of Cultural and Scientific Heritage. 1890–1930]. Saint Petersburg.
- Соболев, В.С. *Для будущего России. Деятельность Академии наук по сохранению национального культурного и научного наследия. 1890–1930 гг.* СПб.
- Stanyukovich, T.V. 1986: [The work of S.F. Oldenburg in the fields of museum studies and ethnography]. In: G.K. Skryabina, E.M. Primakova (eds.), *Sergey Fedorovich Ol'denburg. Sbornik statey* [Sergey Fedorovich Oldenburg. Collected Papers]. Moscow, 84–90.
- Станюкович, Т.В. Деятельность С.Ф. Ольденбурга в области музееведения и этнографии. В сб.: Г.К. Скрыбин, Е.М. Примаков (ред.), *Сергей Федорович Ольденбург. Сборник статей*. М., 84–90.
- Stanyukovich, T.V. 1978: *Etnograficheskaya nauka i muzei* [Ethnography and Museums]. Leningrad.
- Станюкович, Т.В. *Этнографическая наука и музеи*. Л.
- Sundieva, A.A. 2007: [History of one declaration]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Journal of Tomsk State University] 300/1, 74–79.
- Сундиева, А.А. История одной декларации. *Вестник Томского государственного университета*, 300, 1, 74–79.
- Tur'inskaya, Kh.M. 2001: *Muzejnoye delo v Rossii v 1907–1936 gody* [Museum Work in Russia in 1907–1936]. Moscow.

- Турьинская, Х.М. *Музейное дело в России в 1907–1936 годы*. М.
- Tur'inskaya, Kh.M. 2008: *Etnograficheskoe muzeevedenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [*Ethnographical Museum Studies in Russia at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries*]. Moscow.
- Турьинская, Х.М. *Этнографическое музееведение в России в конце XIX – начале XX вв.* М.
- Vasil'kov, Ya.V. 1999: [Academician S.F. Oldenburg: the last years (director of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR)]. In: *Nauka i tekhnika: voprosy istorii i teorii. Tezisy XX konferentsii Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Rossiyskogo Natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki (22–25 noyabrya 1999 g.)* [*Science and Technology: Questions of History and Theory. Summaries of the XXth Conference of the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee of the History of Philosophy of Science and Technics (22–25 November, 1999)*]. Saint Petersburg, 156–157.
- Васильков, Я.В. Академик С.Ф. Ольденбург: последние годы (директор Института востоковедения АН СССР). В сб.: *Наука и техника: вопросы истории и теории. Тезисы XX конференции Санкт-Петербургского отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники (22–25 ноября 1999 г.)*. СПб., 156–157.
- Yusupova, T.I. 2016: [S.F. Oldenburg and organization of research of Mongolia by the Russian Academy of Sciences]. In: I.F. Popova (ed.), *Sergey Fedorovich Ol'denburg – uchenyy i organizator nauki* [*Sergey Fedorovich Oldenburg – Scholar and Research Organizer*]. Moscow, 450–458.
- Юсупова, Т.И. С.Ф. Ольденбург и организация изучения Монголии Российской академией наук. В сб.: И.Ф. Попова (ред.), *Сергей Федорович Ольденбург – ученый и организатор науки*. М., 450–458.
- Yuzbashyan, K.N. 1986: *Akademik Iosif Abgarovich Orbeli* [*Academician Iosif Abgarovitch Orbeli*]. 2nd ed. Moscow.
- Юзбашян, К.Н. *Академик Иосиф Абгарович Орбели*. 2-е изд. М.